

Бологое: «маленькая столица между двух столиц»

Вероятно, большинство современных жителей России знает о существовании населенного пункта Бологое и представляет, что это железнодорожная станция на середине пути из Москвы в Санкт-Петербург. Можно также с большой долей вероятности предположить, что у этого знания есть вполне определенные источники. Во-первых, герой одного из классических детских стихотворений С.Я. Маршака, «рассеянный с улицы Бассейной», думая, что едет на поезде из Ленинграда в сторону Москвы, интересуется у проходящих:

*«Это что за остановка –
Бологое иль Поповка?»*

Во-вторых, существует довольно известный анекдот о поручике Ржевском, герои которого ведут следующий диалог:

*Наташа: Ах, как быстро ехать из Петербурга в Москву по железной дороге!
Одна нога здесь, другая там!*

Пьер: Как хотел бы я оказаться между этих ног!

Ржевский: Был я там, ничего интересного – дыра дырой. Бологое называется.

Наконец, третий и, по-видимому, основной источник общего представления о Бологом как о промежуточном и срединном между двумя столицами месте – заключительные строки припева из песни весьма популярного в 1980-е годы (да и поныне) ансамбля «Веселые ребята»:

*Что за наваждение такое?
Я всё повторяю адрес твой:
Бологое, Бологое, Бологое –
Это где-то между Ленинградом и Москвой¹.*

Нередко в текстах, обращенных к приезжим, прямо или неявно упоминаются приведенные выше песенные строк, сделавшиеся своего рода визитной карточкой Бологоро и бологовца. Приведем начало беседы одного из авторов настоящей статьи с продавщицей (запись ведется скрыто)²:

[Мы на самом деле впервые в Бологое приехали. А проезжали его сто раз в жизни].

«Это где-то между Ленинградом и Москвой».

[А эту песню здесь, наверное, все знают?]

Наверное. Мы, как бологовцы, гордимся ей.

Одна из экскурсий по экспозиции Бологовского городского музея, проведенных для участников экспедиции, открывалась следующими словами:

«Бологое. «Бологое между Ленинградом и Москвой» – да, есть такая популярная песня. Между двумя столицами. Центральный железнодорожный узел».

Суждения и устные рассказы, записанные от жителей Бологоро, фрагменты стихотворений местных авторов, тексты краеведческих очерков и буклетов позволяют увидеть, что стереотипы самопрезентации базируются на той же основной позиции: положение города на середине железнодорожного пути между Москвой и Ленинградом/Петербургом. «Меж двух столиц», «Бологое – город на железной дороге»³ – типичные названия краеведческих изданий последнего десятилетия. Текст брошюры, выпущенной к 500-летию города, начинается следующим пассажем: *«Октябрьская магистраль. Поезда, поезда, поезда... Товарные и пассажирские, почтовые и скорые с поэтическими названиями «Красная стрела», «Северная Пальмира», «Юность». На отдельных участках пути между Москвой и Санкт-Петербургом они мчатся со скоростью 200 км в час. <...> Мелькают названия станций и полустанков. А вот и середина пути – большая узловая станция Бологое, к которой вплотную примыкает город того же названия»*⁴.

Однако если пойти дальше случаев простой констатации и проследить, каким образом интерпретируется описанная выше ключевая для «образа города» модель, то мы увидим, что направления этой интерпретации разнообразны и при этом вполне созвучны устойчивым для русской культуры мотивам (само)описания провинциальных локусов.

1. Между столицами: граница

Периферия, промежуточное пространство наделяется в культуре качеством «недоосвоенности»⁵, а значит, она потенциально может принять влияние как одной, так и другой зоны, между которыми она расположена. Положение Бологоро посередине между Петербургом и Москвой обусловило его специфический «пограничный» статус в культурной географии. Многочисленные тексты, в основном иронического характера, приписывают Бологому значение переходного пространства, в котором смешиваются или соседствуют знаки «московского» и «питерского». Основным, наиболее регулярным и устойчивым выражением идеи межстоличной рубежности Бологоро являются распространенные как в устном, так и

в сетевом фольклоре шутки, обыгрывающие различия московской и петербургской речи на уровне лексических экземпляров, которые сделались в последнее время популярным предметом обсуждения в молодежной среде. Наиболее распространена шутка о том, что посередине Бологого есть место, где *бордюр* плавно переходит в *поребрик*.

Другая группа текстов изображает Бологое как своего рода нейтральную зону, где встречаются представители двух столиц. В 1970-е – 1980-е годы ходили слухи, что писатели братья Стругацкие, один из которых в то время живет в Москве, а другой в Ленинграде, встречаются для работы над своими книгами в Бологом⁶. В 2004 г. участники интернет-форума «Infon.ru», среди которых есть и москвичи, и петербуржцы, обсуждают идею встретиться в Бологом⁷. В тексте, повествующем о разделе сфер издательского влияния между представителями питерской и московской контркультуры (и, очевидно, носящем пародийный характер), конкурирующие стороны подписывают «меморандум» в том же самом городе, обозначенном как «нейтральный»⁸.

Жители Бологого тоже осознают пограничность местоположения города. Это отражается, во-первых, в миграционном тексте⁹, во-вторых – в стратегиях самоидентификации. В разговорах о двух столицах обычно подчеркивается большее тяготение Бологого к Петербургу. Именно в Ленинград/Петербург, по их собственным словам, обычно уезжали и уезжают на заработки и на учебу жители Бологого, тогда как по московскому направлению в поисках работы редко отправляются дальше областного центра – Твери. Кстати, маргинальность Бологого по отношению к столичным мегаполисам соотносится с двойственностью его областной самоидентификации: исторически село Бологое относилось к Валдайскому уезду Новгородской губернии, а впоследствии, уже в качестве города, Бологое стало центром самостоятельного района Калининской (Тверской) области.

В разговорах о достоинствах центральных городов предпочтение отдается чаще северной столице. Семиотически маркированным в этом контексте оказывается то, что расстояние от Бологого до Петербурга на несколько километров меньше, чем до Москвы: пространственные и аксиологические характеристики накладываются одна на другую. На наш вопрос, к какой из столиц ближе Бологое, одна из жительниц города ответила, что, скорее, к Петербургу, за чем последовал долгий монолог на тему, чем Петербург лучше Москвы, при этом центральным аргументом было обилие в северной столице музеев и общая «культурность».

Другая рассказчица сравнивает Петербург и Бологое, используя знаковый критерий бытовой «культурности» – способность подробно и любезно объяснить дорогу приезжему:

И в Ленинграде есть люди, чё ни спросишь, они объяснят. Чего не скажешь. Это и у нас всякий бывает. Объяснят и покажут и расскажут, и у нас также. Ну, не знаю, если когда чё спрашиваю, мне всегда всё объясняют¹⁰.

В обиходном речевом репертуаре бологовцев существует целый набор шуточных сюжетов, обыгрывающих связь с обеими столицами, в частности рисующих образ города на меже, разделяющей петербургскую и московскую территории:

У меня приятель <...> Володя Карпенко. Ну вот, с хохлацкой фамилией живет посреди России [ниже мы подробнее поговорим о мотиве центральности в бологовском мифе. – М.А., М.Л.]. <...> Он как-то разговаривал – то ли узбек, то ли таджик, гастарбайтер какой-то. <...> И он ему плел байки. «А где ты живешь?» – «А вот в городе Бологое». – «А что это за город?» – «А вот, – говорит, – город как раз вот посередине как раз между Москвой и Питером. Вот у меня, – говорит, – дом в центре города и так вот я на крышу залезу. Я посмотрю, – говорит, – вот влево, там пригороды Петербурга видно. Я, – говорит, – посмотрю направо – там пригороды Москвы видно. Вот так вот, в таком месте живу»¹¹.

Ощущение рубежности, переходности своего пространства вообще свойственно провинциальному мировосприятию. В этом смысле Бологое, как город между двумя столицами, известный, в частности, тем, что в нем одновременно останавливаются поезда из Москвы и из Петербурга, оказывается как бы идеальным провинциальным локусом.

2. Между столицами: глубинка

Равноудаленность от двух центров может осмысляться как максимально возможная удаленность от каждого из них (по формуле «дальше середины в лес не зайдешь»). Таким образом, местоположение позволяет представлять город, а тем более «станцию» Бологое провинциальной *глубинкой* – со всеми возможными позитивными и негативными коннотациями соответствующего концепта.

Этот нюанс, кстати, также учтен авторами песни о Бологом: неопределенное местоимение «где-то» создает дополнительный ритмико-мелодический изгиб завершающей строки и, хотя пропевадается заметно тише остальных слов, не может остаться неслышанным.

Во «внешних» текстах о Бологом *глубинка* может обернуться *дырой*, приобретая непристойные смыслы – собственно, это и обыгрывается в пересказанном выше известном анекдоте про поручика Ржевского.

Не случайно именно Бологое становится прототипом станции с нарочито неблагозвучным названием *Волобое*, на которой вели политические споры Хрюн и Степан – герои прекратившей свое существование передачи «Красная стрела» (по названию фирменного скорого поезда, курсирующего между Москвой и Петербургом). Локус, географически и топонимически ассоциирующийся со знаменитой провинциальной «дырой» между двумя столицами, оказывается наиболее подходящим для воплощения геоадминистративной модели целой страны¹². При этом сами бологовцы без труда и, вероятно, не без доли гордости опознают в Волобое родной город:

Вот показывали – Хрюша да этот... Поезда-то показывают, ой, как передача эта, не знаю, щас есть или нет, по телевизору-то.

[Это «Красная стрела»?]

Да, «Красная стрела». Там вот показывают действительно наше вот Бологое. Вот там и считай всё – также переходное [переходной мост через железнодорожные пути. – М.А., М.Л.], такой как в мультике сделано, ну вот считай как наше переходное, там какой-то туннель, вот это всё как будто бы... с той стороны особенно если показывают – ну похоже вообще.

[И что, там прямо говорится, что это Бологое?]

Нет, там нет, там что-то по-другому маленько написано это. Но тоже звучит так же¹³.

Мерцание значений срединности/удаленности по отношению к столицам определяет и самовосприятие некоторых бологовцев как жителей глубинки. Так, суждение «*мы же как на середине между Ленинградом и Москвой*» приводится жительницей Бологорого в качестве оправдания тому, что до города не доходят петербургские и московские музыкальные новинки¹⁴.

Мотив захолустности города в суждениях жителей, по-видимому, поддерживается и представлением о типичности его судьбы для городов российской провинции. В связи с этим особенно показательным, что в цитируемом ниже тексте, как и в случае с Волобое, Бологое представлено локусом, репрезентативным в масштабах страны:

Захолустный городишко. Это раньше мало-мальски процветало, а теперь отделение Октябрьской дороги закрыли и всё. На глазах гибнет городишко.

[А когда Бологое процветало?]

В мою бытность оно никогда не процветало, как и вся Россия¹⁵.

Наконец, Бологое как типичный провинциальный город может репрезентировать всю страну как огромную провинцию, в то же время противопоставляясь столицам, даже в речи официального лица. Генеральный директор ОАО «Тверьоблгаз», обращаясь с поздравительной речью к руководству и жителям Бологоро на праздновании дня города в 2005 г., произнес: *«У нас Россия вся состоит... это не Москва и не Питер, конечно. Это состоит из таких городов, как ваши».*

Переживший периоды процветания в предреволюционную и позднесоветскую эпохи, город после перестройки перестал быть «крупным железнодорожным узлом» в результате приватизации железной дороги и перевода управления в другое место (Вышний Волочек или Москву – по разным версиям) – таково мнение многих пожилых бологовцев: *«Теперь не узел, непонятно что Бологое»¹⁶.*

Представление о глубинке и захолустье включает в себя и мотив пространственной удаленности, отграниченности от крупных городов и/или путей сообщения. Город, находящийся на крупной железнодорожной магистрали, едва ли может представляться затерянным, погруженным в природное пространство и отгороженным от культурного. Однако это отчасти компенсируется одной из постоянных характеристик здешнего ландшафта: Бологое окружено болотами. Образ болот позволяет представить окружающую Бологое местность – и, метонимически, сам город, дающий этой местности имя, – как глухое, опасное, буквально «гиблое» место. Это особенно хорошо заметно в рассказах о произошедшей в 1988 г. близ Бологоро железнодорожной катастрофе, в которых постоянно возникают упоминание болота: *«Там болото, большое болото. Такое место низкое. Болотистое. Вот здесь вот произошла эта катастрофа <...> Даже это, мы доставали из этого болота людей. Трупы. Погибших. Много погибло людей, много <...>»¹⁷; «Не знаю там, правда или нет, по слухам-то, в общем, говорят, что там один вагон так и не достали. Вот с людьми он, со всем так и ушел там. Жуткое место там вообще, там топь везде и не подъехать никак»¹⁸.*

Позитивные коннотации Бологоро как глубинки весьма традиционны для апологии провинции¹⁹ и связываются, во-первых, с сохранившимися лишь в провинции размеренностью жизни, патриархальным укладом, истинной духовностью и т.п., ср.: *«...Но как добрая неистребимая привычка, как дань ушедшей патриархальности осталась еще такая «прошлая», тихая и неспешная жизнь во*

многих домах бологовских обывателей»²⁰. Во-вторых, удаленность города от крупных центров урбанизации позволяет ему сохранять связь с природой, оставаться как бы частью прекрасного валдайского ландшафта. Наиболее регулярная реализация этого мотива связана с образом озера и «озерного края»: город располагается вокруг живописного Бологовского озера, поэтому «городом озерной тишины можно назвать Бологое. Озеро – его душа, его легенды и его история»²¹. Обилием в округе озер обычно мотивируется особая привлекательность здешних мест (очень распространенный мотив в экскурсионных, краеведческих и, шире, презентивных текстах) и, соответственно, обилие известных имен, связываемых с Бологим: «Александров вот, руководитель военного ансамбля, он здесь, в Бологое жил. Напротив здесь, вот. Дальше, здесь очень такие крупные ученые были. Рерих был <...>. Вообще, Бологое – оно славится. Здесь прекрасные места, очень много... знаете, как говорят, – природа сама привела их сюда. Здесь, если на озера вам поехать, одно, второе, третье, четвертое. В нашем Бологовском районе пять огромных озер. Только вот здесь. Вот, это место привлекало всех»²²».

Природное богатство бологовского края делает его привлекательнее и предпочтительнее обеих столиц:

*Мне б по ягоды, и не надобно
Мне ни Питера, ни Москвы,
Отдыхать поеду на Кафтино,
На Платиценку по грибы.
Мне и с тополем и с осинкою
Есть о чем поговорить,
Бологое, край мой синий,
Как тебя мне не любить!²³*

Образ города не отделяется от образа окружающего его природного пространства, элементы второго по умолчанию встраиваются в первый и так или иначе подверстываются к его провинциальным, «глубиночным» коннотациям. Показательно, что две наиболее распространенные этимологические версии напрямую связывают название города с двумя обозначенными выше полюсами природно-ландшафтной обусловленности образа Бологорого как глубинки/захолустья – благолепие местной природы и, наоборот, гиблость здешних мест. Приедем два фрагмента из разговоров с жителями Бологорого:

[А слово "Бологое" откуда произошло?]

Вы знаете, я вам точно не могу сказать, но как-то я ехал на экскурсию, мы ехали, на экскурсию. И нам экскурсовод сказал, что никто не может твердо сказать, от какого слова: то ли "благое" – хорошее место, то ли Бологое от болотного места, у нас тут кругом болота. Кругом болота. Дак вот, здесь вот одно из них – "болотное место" или "хорошее, благое место"²⁴;

Есть два значения названия. Первое – не Бологое было, а Благое. И Благое. Первое оттого, что благополучное, хорошее, доброе место. Благие намерения, благое. А второе «благое» – это дурное место, оттого, что в топких местах там погибали коровы, люди тонули²⁵.

3. Между столицами: центр

Наконец, располагаясь посередине между двумя столицами, город оказывается как бы в абсолютном центре административной карты страны. Эта идея в том или ином контексте звучит в рассуждениях жителей города, в стихах о Бологом, в краеведческих изданиях и т.д., причем положение города между столицами обычно интерпретируется вкуче с его статусом железнодорожного центра. В стихотворении бологовской поэтессы О. Марковой узел-Бологое «связывает» железные дороги всей страны:

*Между Петербургом и Москвою
Есть на карте старый городок-
С песенным названьем – Бологое,
Узел ста путей и ста тревог!
Со Всея Святой Руси сюда –
Едут-мчатся чудо-поезда...²⁶*

В связи с той же железнодорожной топикой представление о Бологом-центре естественно приводит к появлению образа «сердца страны» как логического развития метафорического значения слова «артерия» -- 'путь сообщения, имеющий важное значение для страны'²⁷. Этот образ, в свою очередь, поддерживается прежде всего сюжетом героической деятельности бологовских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны, когда город, именно в силу своего стратегического значения для снабжения фронтов и, в частности, для обороны Москвы, подвергался массированным бомбардировкам. Приведем отрывок из стихотворения, посвященного бологовскому подвигу:

*<...> Между Ленинградом и Москвою
Прервано движенье на пути,*

*Но как сердце бьется Бологое
Ни на шаг не может отойти.*

*И тогда решили уничтожить
Сердце то, послав воздушный смерч,
И бомбили асы из Люфтваффе,
Тоннами послав на землю смерть.*

*Улетали, сделав дело злое,
И писали рапорты в Берлин,
Что разгромлен узел Бологое,
И живым не встанет не один.*

*Но еще не смолкли взрывов звуки,
И еще не села наземь пыль,
Как сквозь эти ужасы и муки,
Встала жизнь, как сказочная быль.*

*Встала жизнь в лице простых рабочих,
Встали женщины, мужчины, старики,
Встали, взяв в израненные руки
Шпалы, рельсы, ломы, молотки.*

*Шли они голодные, худые,
Как на бой, на подвиг ратный шли,
Клади шпалы, рельсы боевые,
Чтобы поезда по ним пошли. <...>²⁸*

В приведенном отрывке речь идет о событиях середины марта 1943 г., когда проводилась специальная операция по уничтожению железнодорожного узла Бологое, в ходе которой за 11 суток было сброшено более 1800 бомб (больше половины от общего числа упавших на город бомб за весь период бомбардировок с июля 1941 г. по февраль 1944 г.). Тогда же было перехвачено и неявно упоминаемое в цитируемых строках сообщение в Берлин, в котором сообщалось о полной ликвидации станций Бологое и Медведево. Стихотворение рисует вполне конкретные реалии, в нем нет ничего фактически неверного или случайного. Не

очень понятным в контексте описываемых событий остается лишь указание «*Между Ленинградом и Москвою // Прервано движенье на пути*», и это делает еще более очевидным истинное назначение этих строчек: именно они, напоминая о местонахождении Бологое, мотивируют появляющуюся далее метафоризацию его как «сердца».

По рассказам, в период, когда столице всерьез угрожал враг, Бологое временно взяло на себя информационного центра страны, обеспечивающего все ее население сведениями о ходе войны:

Вот это я не знаю, слухи это или нет, я знаю, что одно время здесь у нас Левитан водил, то есть вёл сводки Совинформбюро, вот, особенно когда к Москве немец шел. Говорят, что у нас на Красной Горке есть такой вот дом, он и сейчас сохранился, там, по-моему, было детское отделение, сейчас психиатрическое отделение, лечат алкоголиков, каменное такое здание <...> И в этом здании, вот, находилась связь, вот, правительственная. И вот Левитан, Юрий Левитан, сколько там, месяц или два, сколько, пока вот шли бои, от нас вёл, вот, сводки свои²⁹.

Наконец, иногда о центральном положении Бологое и даже его «столичности» говорится напрямую. Приведем фрагмент праздничного представления, посвященного 510-летию Бологое (2005 г.; сценарий – дипломная работа студентки Тверского училища-колледжа культуры им. Н.А. Львова Олеси Султановой). Праздничную программу ведут актеры, представляющие князя и княгиню Путятинных – своего рода бологовских *geniorum loci*:

*Путятин: Символично, что торжества, посвященные дню города и дню железнодорожника, начинаются с места, где когда-то стоял путятинский дом-усадьба, бывший в свое время **культурным центром провинциальной России**. На редкость одаренные, талантливые люди собирались на лето в Бологое. Художники, историки, музыканты, искусствоведы. В этом доме устраивались театральные выступления, давались балы и музыкальные вечера.*

*Путятин: Отсюда начинались императорские охоты. И тогда на несколько дней этот дом в Бологое становился резиденцией российского монарха. Великие князья, зарубежные дипломаты, многочисленная свита... Бологое превращалось в **филиал столицы Российской империи** [sic!]³⁰.*

А на праздновании дня города в следующем, 2006 году, глава администрации Бологовского городского поселения С.Н. Кульбаков произнес следующее:

Вот мы с вами находимся между двух столиц <...>. Между физической столицей -- это Москва, между исторической столицей -- это Санкт-Петербург. А

сегодня мы с вами -- маленькая столица между двух столиц. И именно сегодня мы с вами столица. <...> Особенно хочу обратиться к молодежи. Не уезжайте в те столицы, физические и исторические. Мы постараемся вместе с вами в ближайшее время нормально обеспечить вас и жильем и досугом. Ну а магазинов у нас хватает, сегодня мы с вами можем купить всё то же, что в Москве, в Питере. Поэтому, молодежь, не надо уезжать. Давайте закрепляться, рожать детей и быть здесь будущими хозяевами нашего города.

Официальные тексты, звучащие на праздновании дня города, предельно актуализируют городской миф. Но и в обыденной жизни бологовцы говорят о том, что Бологое – столица (правда, с иронией). Например, бывшая учительница сказала авторам этих строк:

Столичная здесь я, а вы два пригорода – Москва и Петербург³¹.

Вообще, восприятие и презентация себя как центра страны или региона характерно для многих провинциальных городов³². Так, Старая Русса может представляться центром России³³, Пермь – центром (и одновременно окраиной) мира³⁴, центром России или центром Евразии³⁵, Екатеринбург – Третьей столицей России, Евразийской столицей (и одновременно – окраиной Европы и границей между ней и Азией)³⁶ и т.д. Другой вариант этой формулы, предполагающий объявление города «столицей» (обычно, региона, например «столица Западной Сибири», или отрасли, например «нефтяная столица») распространен настолько, что может гиперболизироваться и обыгрываться иронически даже в «официальном» тексте самопрезентации. Так, при въезде в город Луховицы, расположенный между Москвой и Рязанью, над шоссе растянут огромный транспарант с фотографиями видов города и следующим текстом:

Есть в России три столицы:

Москва, Питер, Луховицы!

Значительно менее распространенной, но не специфичной оказывается и модель «центра между двумя центрами»: так, в Переславле-Залесском нам удалось записать рассуждение, согласно которому этот город является «сердцем России», поскольку находится посередине «*между Москвой и Ярославлем. 120 километров туда, 120 километров сюда*», и «*если бы судьба не повернулась бы, он бы был столицей*»³⁷.

«Внешние» тексты, напротив, никогда не связывают идею Бологого как абсолютного центра с железнодорожным значением города-узла, апеллируя исключительно к его межстоличному месторасположению. В ряде интернет-форумов, когда речь заходит о переносе столицы в Петербург в связи с терактами в Москве или с несостоятельностью и коррумпированностью московских чиновников, обычно кто-нибудь из участников форума заводит речь о Бологом. Вот два примера:

*Столицу надо перенести в Бологое, как раз между Москвой и Питером. И установить жесткую квоту на количество федеральных министерств и чиновников в новой столице России. Воздух в Москве и Питере сразу станет значительно чище, поскольку люди там займутся делом*³⁸.

*Тяпун тебе [предложившему перенести столицу в Петербург – М.А., М.Л.] на язык не дай боже нам стать столицей, не надо мне всех этих прелестей столицы. Предлагаю на роль столицы Бологое (это где то между Ленинградом и Москвой)*³⁹.

Мотив переноса столицы в Бологое находит отражение также в текстах религиозных и эзотерических субкультур, и в этих случаях он обретает характер программы или пророчества. Так, советует перенести столицу в Бологое астролог В. Ледовских⁴⁰. Пророк религиозного движения «Бажовская академия сокровенных знаний» (бажовцы) В.В. Соболев, предвещая разрушение Москве и Петербургу, возвещает сооружение второй политической столицы под названием Москвопетроград возле Бологого, в то время как основная будет находиться в Константинополе⁴¹.

Этот последний факт заслуживает особого комментария. Идея разрушения/гибели в «последние времена» обеих русских столиц и появления новой довольно традиционна в эсхатологическом фольклоре⁴², однако мотив совмещения двух столиц крайне редок. Возможно, «Москвопетроград» был заимствован пророком Соболевым из «Великой Дивеевской тайны» – эсхатологического текста XIX в., получившего распространение в недавнее время благодаря активной републикации дореволюционной и эмигрантской религиозной литературы⁴³. В источнике Москвопетроград является не будущей столицей России, но местом рождения антихриста (что, впрочем, не отменяет его эсхатологического значения как «великого города»), и, разумеется, никак не соотносится с Бологим. Не странно, что в конце XX в. именно Бологое, нагруженное соответствующей пространственной семантикой, оказалось наиболее удобным местом локализации нового центра, совмещающего (или замещающего) одновременно две исторические столицы. Показательно, что в картине, рисуемой Соболевым, Москвопетроград в районе

Бологого играет роль границы/центра между двумя столицами не только в пространственном, но и во временном аспекте, являясь своего рода медиатором между бывшими, историческими столицами России и Константинополем, которому, по Соболеву, суждено вновь обрести функцию политического центра христианского мира.

Надо сказать, что и самим жителям Бологого может быть не чужда мысль об особой роли города в духовном будущем России. Например, одна из активных в местной церковной жизни женщин считает, что поскольку в городе находится недостроенный храм в честь трехсотлетия дома Романовых, то пока этот храм не достроен и не освящен, общерусское покаяние, а тем более восстановление монархии в России невозможно. Приведем фрагмент этого интервью:

...Ну конечно, об этом, о покаянии, всё время говорят. Но, чтобы покаяться, вот, покаяние в Бологое находится.

[В смысле?]

В смысле – храм трёхсотлетия дому Романовых. <...> Вера без дел мертва, вера без дел мертва. Вот, покаяние - мы возвращаем сначала вот этот храм, да? Прикладываем свои руки. А потом мы, значит, мы уже начинаем, как, какое там покаяние пойдёт – это уж священники нам скажут. Вот, ну, возвратим мы то, что было, царю. Для царя это построено <...>

[А говорят, что уже скоро монархия будет и что царь, который взойдет на престол, уже есть, и где-то в народе?]

Нет, такого я не слышала. Еще место ему не готово. Да сначала мы должны царя в его храм ввести <...> Ну, мы хотя бы его династию, царской, трехсотлетия, храм построен. В России же этого не было. Это же монастырь устроил, в связи с празднованием рождения наследника. И бологовские жители, вот, подарили землю для такого события. Так как же так? А храм не будет готов. Господь медлит. Пусть там и ждут царя, а Господь медлит. Он скажет: "Нет, а вот..." Ему всё видно свысока: какой им царь, когда вот, царский храм – там, вот, колят, машины гудят? [в здании храма расположено предприятие. – М.А., М.Л.] Нет, Россия не готова⁴⁴.

Итак, Бологое – город «меж двух столиц» – предстает то центром страны, то провинциальным захолустьем, то границей, разделяющей сферы влияния Москвы и Петербурга. В целом очевидно – и мы это старались по возможности проиллюстрировать, – что «бологовский текст» использует те же модели, что и

современный провинциальный текст в широком смысле, и во многих конкретных моментах он сопоставим с другими локальными текстами. В этом смысле город Бологое предстает традиционным, а в каком-то смысле даже «идеальным» провинциальным локусом. С другой стороны, такие факторы, как расположение города на середине пути из Москвы в Петербург и его историческая связь с железной дорогой, обусловили некоторое своеобразие воплощения ряда общих мотивов. Это предопределило не только особое место Бологое в культурном ландшафте России, но также определенную специфику локального самосознания и, соответственно, стереотипию городских текстов.

---

¹ «Бологое», муз. В. Добрынина, сл. М. Рябилина, 1987 г.

² В статье используются материалы нескольких межвузовских экспедиций, проходивших в г. Бологое в 2004–2006 гг. В квадратные скобки заключены вопросы собирателей.

³ Сычев В.В. Меж двух столиц. Стихотворения, графика, очерки. Тверь, 1998; Бологое – город на железной дороге: Буклет. Вышний Волочек, 2001.

⁴ Бологое 500 лет / Автор текста И.В. Багажова. 1995.

⁵ Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 17–38.

⁶ Правый фантаст // Независимая газета. 10.09.1999; Юдкин В. Умножая печаль, мы умножаем надежду. Интервью с Георгием Вайнером // Вестник. № 3 (236). 1 февраля 2000.

⁷ Форум infon.ru: развлекательные услуги для мобильных телефонов // <http://clone2.infon.ru/theme.phtml?tid=127831>.

⁸ Чрезвычайная комиссия. Мифы и реалии контркультуры. Часть первая. Проект "Литпром" // <http://www.udaff.com/archive/dirty>.

⁹ Обоснование понятия «миграционный текст» см.: Разумова И. А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 5–21.

¹⁰ Интервью с З.Н. Сухецкой, 1928 г. р., род. в Бологом.

¹¹ Интервью с А.В. Алферовым, 51 год, род. и живет в пгт Березайка Бологовского р-на; образование высшее.

¹² О традиции использования вымышленных ойконимов, воплощающих идею глубинки, см.: Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального городка) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 457-482.

¹³ Интервью с женщиной около 35 лет, торгует мороженым на бологовском вокзале.

¹⁴ Интервью с Р.В. Тишковой, 64 года, род. в д. Харитониha Валдайского р-на Новгородской обл., переехала в Бологое в возрасте одного года; закончила Ленинградское культурно-просветительское училище; работала экскурсоводом, пела в ансамбле «Родные напевы» при музыкальной школе, основатель и руководитель клуба фольклорной песни «Сударушка».

¹⁵ Интервью с В.Г. Доможировым, около 75 лет, род. в д. Сергиево Бологовского р-на, переехал в Бологое в 1947 г.; образование среднее специальное.

---

¹⁶ Интервью с Тamarой Михайловной, 1936 г. р., род. в д. Книщины Вышневолоцкого р-на Тверской обл., переехала в Бологое в 1957 г.; образование среднее специальное, работала билетным кассиром, торгует семечками.

¹⁷ Интервью с Тamarой Михайловной.

¹⁸ Интервью с Е.Г. Гогарской, около 40 лет, живет в пгт Березайка Бологовского р-на; образование высшее.

¹⁹ Анализ устойчивых «позитивных» и «негативных» характеристик провинции в современном массовом сознании см.: *Разумова И.А., Кулешов Е.В.* К феноменологии провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции 29.08 – 1.09. 2001, Тверь. Тверь, 2001. С. 12–25.

²⁰ *Крылов Ю.* Бологое – город железнодорожников: Пособие по краеведению для учащихся средних школ и ПТУ. Б. м. и г. С. 3.

²¹ Там же.

²² Интервью с М.Н. Штеймелер, 84 года, род. в Бологом; образование высшее, работала учителем.

²³ Из песни, открывавшей празднование дня города Бологое в 2005 г.

²⁴ Интервью с В.Г. Доможировым.

²⁵ Интервью с Р.В. Тишковой.

²⁶ Визитная карточка Бологое и Бологовского района // <http://bologoe.library.tver.ru/vizitka.htm>.

²⁷ Толковый словарь русского языка // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.

²⁸ *Королев В.Г.* Памятник // Новая жизнь (Бологое). 1998. 19 марта. № 31.

²⁹ Интервью с Р.В. Тишковой.

³⁰ В качестве вероятного источника можно назвать наиболее полное на сегодняшний день краеведческое издание о Бологом (*Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А.* Бологое на Валдае. Бологое, 2005), содержащее следующую информацию: «Путятинский дом был тогда в Бологое своеобразным культурным центром. Из окон дома лилась музыка <...> Женщины устраивали танцевальные выступления и концерты. Все вместе участвовали в театральных постановках» (с. 74); «Евдокия Васильевна [Путятина] часто устраивала в своей усадьбе музыкальные вечера, на которых собирались любители музыки поселка Бологое» (с. 63); «Александр II в 1862-1864 годах приезжал в Бологое к князю А.С. Путятину на звериную охоту <...> Императора сопровождали великие князья и приглашенные почетные лица, светские генералы и прочие» (с. 110).

³¹ Интервью с Л.А. Гончаровой, 61 год, род. в Бологом; образование высшее, работала учителем.

³² Ср. в этой связи следующее рассуждение: «Если же мы в виде той же окружности попытаемся изобразить соотношение столицы и провинции, то центральное положение (не в смысле материальных благ, а в смысле репрезентации сущностного) неизбежно будет занимать провинция: она специфичнее и характернее <...>» (*Строганов М.В.* Провинциальность и смежные категории // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию В.Г. Краснова: Сб. науч. ст. Коломна, 2001. С. 194.).

³³ *Литягин А.А., Тарабукина А.В.* К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М., СПб, 2000. С. 334–347.

³⁴ *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 102–116, 125–131

---

³⁵ *Кондаков Б.В.* Пермская земля: реальность и мифы // Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли: Материалы «Круглого стола». М., 2000. С. 28–31.

³⁶ *Литовская М.А.* Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Региональные культурные ландшафты: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2004. С. 32–33.

³⁷ Интервью с Михаилом, около 35 лет, род. в г. Переславле-Залесском, торгует сувенирами.

³⁸ Форум «Русского Журнала» // <http://www.russ.ru/forums/msg/942/1554.html?920010156>.

³⁹ Форум «Частного Клуба Алекса Экслера» // <http://forum.exler.ru/arc/index.php?s=0&showtopic=47284>.

⁴⁰ Прогноз опубликован в газете «Известия» за 13 января 2004.

⁴¹ *Филатов С.Б.* Современная Россия и секты // Новое время. 1996. № 8. С. 200–225.

⁴² См.: *Ахметова М.В.* Город в современных эсхатологических предсказаниях // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 74–80.

⁴³ См.: Приложение к "Великой Дивеевской тайне". Из семейного архива Флоренских // Литературная учеба. 1991. № 1. С. 133-134.

Ср. также фантастическую повесть В.Ф. Одоевского «4338 год», в которой описывается город будущего, занимающий огромную территорию, которая некогда включала и Москву и Петербург.

⁴⁴ Интервью с В.Ф. Мартыновой, 1931 г.р. образование среднее, работала воспитателем в детском саду.